
Единственное
исключение
18+

Оля Пэ

Единственное исключение

«Автор»
2026

Пэ О.

Единственное исключение / О. Пэ — «Автор», 2026

Трёхметровый забор, охрана у ворот и камеры наблюдения.— Отель исключён. Это ради вашей безопасности.Но от кого её защищают? Сена Дюваль — французская художница. Она не терпит приказов и дорожит независимостью. Но письмо из Нью-Дели заставляет её изменить планы: женщина, долгие годы мечтавшая о ребёнке, просит запечатлеть своё счастье во фреске.Три месяца в Индии. Одна работа. Затем — Лондон.Раджмир Капур привык к беспрекословному подчинению. Его слово — закон, а чувства надёжно скрыты за холодной сдержанностью. Но Сена не из тех, кто склоняет голову, даже оказавшись под его крышей.Пока фреска обретает очертания, между ними зарождается чувство, способное разрушить привычный мир обоих.Но кто из них первым захочет, чтобы эти три месяца никогда не заканчивались?Сюжет, персонажи и мир придуманы автором. При работе над текстом использовалась нейросеть для подбора формулировок и редактуры, итоговый текст отредактирован и утверждён автором.

© Пэ О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нью-Дели 5
Глава 2. Злость 9
Глава 3. Разбитая 11
Глава 4. Бассейн 15
Глава 5. Утренний 17
Глава 6. Круассаны 21
Глава 7. Новые 25
Глава 8. Невеста 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Оля Пэ
Единственное исключение

Глава 1. Нью-Дели

Забор Сена увидела раньше, чем дом: три метра светлого камня, поверх него тонкая линия камер, и мужчины в одинаковых тёмных костюмах, с наушниками и спокойными, ничего не упускающими глазами. Такси остановили у ворот, водителя долго спрашивали, кого он везёт, сверяли имя пассажирки по планшету, потом открывали ворота из матовой стали, и машина въехала на территорию.

И Сена забыла о проверках.

Дом с панорамным остеклением, просторными террасами, многоуровневым бассейном, вода которого словно сливается с горизонтом, и захватывающими видами на город. Она любила современный минимализм, но не ожидала, что встретит такой дом именно в Нью-Дели. Ни одной случайной линии, ни одного лишнего украшения. Она давно разучилась удивляться, но сейчас поймала себя на том, что смотрит с открытым ртом, как студентка.

Город встретил её жарой, от которой воздух казался густым, как сироп. Сена вышла из машины. На ней была белая хлопковая рубашка, расстёгнутая и небрежно заправленная в джинсовые шорты, и биркенштоки, в которых можно было пройти пешком полгорода. Волосы она убрала немного назад. Единственным ярким пятном на её лице были губы, накрашенные красной помадой. Она подумала: «Три месяца в этой жаре. Но потом Лондон».

Лондон был для неё важнее всего. Через три месяца ей предстояло приступить к масштабному проекту: скульптурам, погружённым в прозрачные колбы с водой. Ничего подобного в таком размахе ещё никто не создавал, поэтому о проекте говорили и ждали его с нетерпением.

Семья Капур, к которой Сена направлялась, считалась одной из самых известных и богатых в Индии. Богатые коллекционеры нередко покупали её работы или заказывали новые, но сама она в Индии ещё ни разу не бывала. Её охватывало приятное предвкушение, смешанное с тревогой: эта страна оставалась для неё совершенно чужим и непонятным миром.

Ананья Мехра, в девичестве Капур, писала ей почти год. Сена отказывала трижды: график проектов был расписан на два года вперёд, свободных недель не находилось, а фрески она бралась делать крайне редко, ведь это очень кропотливая и долгая работа. Но Ананья не обижалась и писала снова. Коллекционером она не была, зато внимательно следила за современным искусством и поддерживала начинающих художников. Однажды на выставке в Дубае она увидела несколько фресок Сены Дюваль и не смогла отвести от них глаз. Ананья пыталась понять и сами работы, и собственные чувства: чем именно они её так захватили? И поняла, что фрески словно проникают в самое сердце и наполняют его светлой радостью. Именно такое ощущение она хотела поселить в своём доме, а главное, чтобы оно жило в нём каждый день.

Сена делала фрески из металла и стекла со светоактивными материалами. В одной работе стальные пластины с вплавленными стеклянными «потоками» днём напоминали застывшую реку, а в темноте светились холодным голубым. Другая стена, из разбитого и заново собранного зеркального стекла и оплавленной меди, меняла оттенок, когда рядом двигались люди. Ещё Сена сделала для детского крыла больницы мягко подсвеченные стеклянные капли на тёмном металле.

Помимо фресок Сена делала арт-объекты. Например, объект из зеркального стекла и холодного металла, похожий на сломанную раковину. Внутри спрятан свет, который медленно пульсирует, как дыхание, и пробивается наружу тонкими лучами через трещины. Зритель

может обойти его кругом и увидеть, как отражения складываются в разные формы, и ни один ракурс не повторяется.

Другой объект — скульптура в человеческий рост из оплавленного металла и прозрачной смолы, внутри которой застыла тонкая светящаяся линия, будто нерв или пульс.

В четвёртом письме, коротком, без вежливых оборотов, Ананья написала про самое важное. Она много лет не могла забеременеть. Врачи, клиники, чужие страны, надежды и снова пустота. И вот теперь, на пятом месяце ожидания малыша, она хочет запомнить это навсегда. Не фотографией, не портретом, а фреской на стене дома, в котором вырастет её дочь. «Я не могу доверить это никому, кроме вас», — написала она.

Сена перечитала это письмо дважды и согласилась, хотя ещё накануне была готова отказать в четвёртый раз. Ради этого ей пришлось передвинуть два других заказа.

Её встретила женщина в сером сари и повела вглубь дома. Сена шла следом по каменному полу. Холл уходил вверх на два этажа, и с самого потолка свисала люстра из сотен тонких нитей, на которых застыли серебряные завитки, как взрыв, остановленный на лету. Внутри много света, воздуха и пространства. Мягкая мебель в благородных оттенках и эффектный камин. Панорамные окна стирают границу между интерьером и природой. Когда наступают сумерки, дом наполняется тёплым золотистым светом. В бассейне отражается вечернее небо, внизу загораются огни города, а вокруг становится тихо и спокойно.

Женщина в сером сари остановилась у входа в столовую и отступила в сторону.

Столовая была продолжением террасы: стеклянная стена сдвинулась целиком, и воздух с запахом жасмина и нагретого камня входил свободно. Над длинным чёрным столом висела вторая люстра, кольца серебра в воздухе. За столом, рассчитанным на двенадцать человек, сидели семеро. Никто не торопился. Пахло кардамоном, маслом и свежим хлебом.

И тут Сена поняла, как выглядит.

Женщины за столом были в сари: шёлк граната, изумруда и густого индиго, золотая кайма, звенящие браслеты, тяжёлые серьги. Даже в обычное утро они выглядели так, словно собрались на приём. Пожилая женщина с серебряными волосами, собранными в узел, была в белом сари с тонкой серебряной каймой. Она смотрела на гостью с лёгкой улыбкой в глазах, как на родную внучку. Мужчины сидели в светлых рубашках и безупречно сидящих костюмах. А во главе стола расположился Раджмир Капур в белоснежной рубашке с закатанными рукавами, как будто ехал на переговоры и лишь на минуту заглянул позавтракать.

Сена машинально потянулась застегнуть пуговицы на рубашке, но остановилась. Как она раньше не подумала, что выглядит неуместно? Однако смущаться не стала и поздоровалась со всеми.

Первой её приветствовала Ананья. Сена узнала её сразу: по переписке, по видеозвонку, по тому, как она придерживала рукой округлившийся живот, словно боялась его потерять. Молодая, красивая, в сари цвета спелого граната, с глазами, в которых одновременно жили решимость и усталость.

— Сена! — Она поднялась, придерживая стул, и лицо её осветилось. — Вы приехали! Мы так рады, вы даже не представляете. Для нас большая честь, что такая знаменитая художница будет делать наш проект. Проходите, садитесь, мы как раз завтракаем.

Она не стала никого представлять. Просто смотрела на Сену, словно боялась, что та исчезнет.

— Спасибо, нет-нет. — Сена остановилась в дверях. — Я не хочу мешать, к тому же я совсем не голодная. Я подожду вас в гостиной.

— Но вы же с дороги!

— Мне правда неудобно. Я уже устроилась в отеле и позавтракала. Кстати, отель совсем рядом, и моё присутствие будет почти незаметным: закончу работу и сразу уйду. Правда, днём от меня, конечно, будет немало шума. — Она улыбнулась.

Двое мужчин, один постарше, другой помоложе, переглянулись с изумлением (наверное, один из них муж Ананьи, подумала Сена). Женщина рядом с ними тоже смотрела на гостью с нескрываемым любопытством.

Мужчина во главе стола отложил приборы и посмотрел на неё. Красивый, лет сорока, может, чуть больше. Тёмные волосы с первой сединой, густая борода, смуглая кожа, резкие скулы, брови, сведённые так, будто он решал сложную задачу. Взгляд тяжёлый, исподлобья.

Он разглядывал её пристально и без смущения. Рубашку, шорты, светлые короткие волосы с выгоревшими на солнце прядями. Янтарно-карие глаза, которые она не успела отвести. Родинку на левой скуле. Красную помаду, единственный яркий акцент на её лице. Он смотрел так, как смотрят на чертёж перед тем, как принять решение.

— Мадемуазель, — сказал он наконец. Английский у него был безупречный, с лёгким нажимом на согласные. — Меня зовут Раджмир Капур, я брат Ананьи и глава дома. Сядьте, пожалуйста.

— Я не...

— Завтрак для нас важная традиция. Мы обязательно собираемся вместе каждое утро ровно в восемь. — Он слегка наклонил голову в сторону свободного стула, который Ананья уже отодвигала. — Давайте обсудим, где вы будете жить.

Отказаться второй раз было бы уже грубостью. Сена села. Перед ней немедленно появилась тарелка, и чья-то рука положила на неё омлет и лепёшку.

— Вы пьёте чай с молоком? — спросила Ананья, уже держа руку над чайником.

— Спасибо, я пью только кофе.

За столом возникла короткая заминка, которую Сена не сразу поняла.

— У нас, к сожалению, нет кофемашины, мы пьём только чай, — сказал Раджмир. Он произнёс это так, будто речь шла об упущении, которое не должно повториться.

— Не стоит беспокоиться, правда, чай тоже...

— Но она обязательно появится, — сказал он и повернулся к Лакшми, которая уже кивала, как будто распоряжение было отдано ей раньше, чем прозвучало вслух.

— Я уже сказала, что остановилась в отеле, — начала Сена, отставив вопрос о кофе в сторону. — Он совсем рядом. У меня плотный график, помимо вашей фрески я каждый день работаю над другим проектом, и мне нужно часами сидеть над эскизами. Я работаю в разном режиме: иногда ночью, и не хочу никого стеснять. Мне так будет удобнее, и вам, уверена, тоже.

— Нет. Это исключено.

— Но в контракте о проживании не было ни слова. Я никогда не жила у клиентов и считаю, что в этом нет никакой необходимости.

— Контракт можно дополнить. — Он взял чашку и впервые за весь разговор отвёл от неё глаза. — Ваша гостевая комната ждёт вас на втором этаже. Комната для работы рядом с гостиной. Ананья всё покажет.

Сена посмотрела на Ананью. Та сидела, прижав ладонь к животу, и в её взгляде было что-то, чего Сена не умела прочитать. Не извинение. Просьба.

— Я ценю ваше гостеприимство, — Сена старалась говорить спокойно. — Но я привыкла...

— Мадемуазель Дюваль. — Он произнёс её фамилию мягко, но разговор на этом оборвался. — Об отеле не может быть и речи. Прежде всего это нужно для вашей безопасности.

— Называйте меня просто Сена. И уверяю вас, я вполне способна сама о себе позаботиться, — сказала она настойчивее.

За столом повисло напряжение. Раджмир смотрел на неё чуть дольше, чем требовала сказанная фраза.

— Сена, — повторил он. — Как река в Париже.

— Да. Родителям показалось, что это забавно: пусть дочь будет рекой.

Что-то мелькнуло в его лице и тут же исчезло.

— Сена, — произнёс он спокойно и ровно. — Повторяю ещё раз: отель исключён.

Завтрак продолжился. Бабушка что-то тихо сказала на хинди, и женщина в изумрудном сари засмеялась. Звякнули приборы. Ананья налила Сене чай. Сена из вежливости ела лепёшку и не чувствовала вкуса.

Ей было двадцать семь. Её работы выставлялись в залах MoMA в Нью-Йорке и Hamburger Bahnhof в Берлине, о ней писали в Париже и Милане. Она спорила с заказчиками, сколько бы денег и амбиций за ними ни стояло, и обычно выходила победительницей. Но так безапелляционно с ней разговаривали нечасто. Она сидела с чашкой чая, сбитая с толку, и чувствовала, как внутри поднимается яростный гнев. Их взгляды снова встретились: его, не допускающий исключений, и её, полный решимости дать отпор.

Через несколько минут Раджмир отодвинул стул и встал. Сена тоже встала. Она не успела подумать зачем. Он был выше, чем она думала. Две секунды они смотрели друг на друга. Две секунды, за которые в тишине можно было услышать, как переливается вода в бассейне.

— Это исключено, — повторил Раджмир Капур.

И вышел из столовой. За ним последовали муж Ананьи Арджун и его отец.

Позже, в гостиной, Сена познакомилась с остальными. Бабушка, Камла Деви, оказалась маленькой и прямой, с живыми тёмными глазами. Она взяла Сену за обе руки, долго рассматривала её и сказала, что в доме давно не было такого необычного человека. В её голосе не было ни осуждения, ни снисхождения, только тёплое, почти детское любопытство. Сена сразу почувствовала, что эта женщина видит людей насквозь и при этом никогда не использует это знание против них. Позже она узнала, что бабушка вырастила Раджмира и Ананью одна, когда родители погибли в автокатастрофе, и что именно она держала семью вместе в самые трудные годы.

Мать Арджуна, Сунита, была женщиной мягкой и сдержанной. Она говорила тихо, часто улыбалась и больше слушала, чем говорила, словно привыкла быть чуть в стороне и не хотела занимать лишнего места в чужом доме. Но когда речь заходила о сыне, в её взгляде появлялась спокойная гордость.

А рядом с ней, чуть позади, стояла Тара, младшая сестра Арджуна, с рюкзаком на плече: ей пора было в школу. Ей было пятнадцать. Она была очень красива, но будто стеснялась этого: опускала глаза, говорила едва слышно, прятала руки в складках простого светлого платья. Ни помады, ни украшений, только тонкая нитка бусин на запястье. Когда Сена протянула ей руку, Тара ответила на пожатие так осторожно, словно боялась помять что-то хрупкое, и тут же покраснела.

Семья жила под одной крышей необычно для Индии. После свадьбы не невеста перебралась в дом мужа, как велит традиция, а Арджун со всеми своими родными переехал к Ананье. Причина была одна: Раджмир не мыслил жизни без единственной сестры. К тому же положение Арджуна было скромнее: он работал юристом в компании Раджмира, а с Ананьей однажды познакомился на благотворительном ужине. Говорили, что он тогда просто помог ей найти потерянную сумочку и так и не решился попросить номер телефона.

Арджун был очень скромным в общении и немного застенчивым, но при этом дружелюбным и по-настоящему добрым. Он никогда не показывал, что его что-то задело или обидело, и относился к Раджмиру с неизменной благодарностью, хотя порой терпеть нрав шурина было тем ещё испытанием. Сена заметила, как он тихо вздыхает, когда Раджмир в очередной раз говорит приказным тоном, и как тут же улыбается, чтобы никто не заметил.

Глава 2. Злость

Комната оказалась просторнее, чем Сена ожидала.

Лакшми открыла дверь, отступила в сторону и осталась стоять со сложенными руками, пока гостья входила. Свет вливался сквозь окна во всю высоту стены, ложился золотистыми полосами на светлое дерево пола и делал белые стены почти прозрачными. За стеклом начинался сад: тёмная влажная зелень и вдалеке тонкая линия каменной ограды.

Широкую кровать с мягким серым покрывалом венчала панель из тёмных деревянных реек, на которой свет рисовал тонкие тени. Рядом стоял низкий столик, а на нём ваза из матового стекла с единственной веткой жасмина.

— Комнату для работы вам покажет госпожа Ананья, — сказала Лакшми. — Господин Раджмир распорядился её подготовить.

Чемоданы Сены уже стояли у кровати. Их привезли из отеля, пока она сидела в гостиной и знакомилась с семьей. Сена открыла чемоданы и начала раскладывать вещи, но делала это со злостью.

— «Исключено». Надо же, какое слово, — бормотала она, выдёргивая из чемодана комбинезон. Она рывком задвинула ящик, тот застрял, и она ударила по нему ладонью.

Злость стягивала плечи и горела в груди. Но под ней шевелилось что-то ещё, и Сена не могла понять, что именно.

Ананья заглянула к ней позвать на обед. Она была в светлом сари цвета слоновой кости и казалась ещё моложе, чем утром.

— Я хотела извиниться за брата, — сказала Ананья с порога. — Он не всегда такой. То есть всегда, но не со всеми.

— Не нужно извиняться.

— Нужно. — Она вошла и опустилась в кресло у окна с облегчением человека, который долго стоял на ногах. — Он просто не умеет иначе. Привык решать за всех, потому что другого способа заботиться не знает.

Она замолчала, и Сена не стала её торопить.

— Пойдёмте обедать, — наконец сказала Ананья. — Заодно покажу вам комнату для фрески.

— Давай на «ты», — попросила Сена. — Так мне будет проще.

Они спустились на первый этаж. Прошли через огромную гостиную, мимо колонны с огнём, мимо золотого панно, и свернули в боковой коридор, где было тише и прохладнее. Ананья остановилась перед высокой дверью из светлого дерева и толкнула её.

Сена вошла в пустое помещение с высоким потолком и окнами в сад. Стены здесь были не облицованы, как в остальном доме, а оставлены голыми: гладкий светло-серый бетон, холодный и ровный, с едва заметными следами опалубки. В воздухе стоял запах пыли и остывшего камня.

— Я выбрала эту комнату три года назад, — тихо сказала Ананья. — Когда мы ещё надеялись. Тогда я даже не знала, зачем. Просто пришла сюда и поняла, что здесь.

Сена прошла по комнате и коснулась ладонью стены. Бетон был прохладным, плотным, чуть шероховатым, и пальцы сразу узнали его.

— Бетон, — сказала она. — Это хорошо. На такую стену можно крепить металл, и она выдержит.

— Раджмир велел снять всё, что было, и сделать стену заново: укрепить основу, залить бетон и отшлифовать вручную. Мастера работали два месяца. — Ананья слабо улыбнулась. — Он начал, когда ты ещё отказывала мне. Сказал, что отказ не навсегда.

Сена обернулась. Ананья стояла посреди комнаты, прижав ладони к животу.

— Я не хочу портрет, — сказала она. — И не хочу себя. Я хочу то, что чувствовала все эти годы. Ожидание. И то, что чувствую сейчас. Я не умею это объяснить.

— Не надо объяснять, — ответила Сена. — Расскажи мне, как ты засыпаешь. Что видишь перед сном.

И Ананья заговорила. Сена слушала и делала пометки карандашом в маленьком блокноте. Про то, как она годами лежала по ночам с открытыми глазами и считала цветы на потолке. Про воду, которая снилась ей до тех пор, пока не наступила беременность. Про свет в окне больницы, где врач в последний раз покачал головой.

Следующие два дня слились в один долгий, шумный день.

Комнату огородили. Двое рабочих закрыли окна и вход техническими навесами из плотной ткани, а по краям повесили тяжёлые шторы цвета тёмного шафрана, чтобы пыль и чужие глаза не попали внутрь. Из гостиной было видно только эти шторы, как закрытый занавес перед спектаклем. Ключ от двери Лакшми отдала Сене лично, в ладонь.

— Больше ни у кого нет, — сказала она. — Господин Раджмир приказал: никто не входит, пока вы не позволите.

Сена составила список на три страницы. Лакшми прочитала его спокойно, без единого вопроса, коротко кивнула и велела подать машину: за материалами Сена собиралась ехать сама, вместе с водителем.

Глава 3. Разбитая ваза

Ваза упала в девять вечера.

Сена несла по коридору второго этажа коробку с пробниками стекла, тяжёлую и неудобную, и локтем задела консоль у стены. Ваза качнулась, она рванулась удержать её свободной рукой и не успела. Тёмно-синяя, с тонкой белой росписью, высотой по колено, она ударила её по подъёму левой ступни, сбила с ног коробку и откатилась по ковровой дорожке.

Сена села прямо на пол и несколько секунд просто дышала сквозь зубы.

Потом подняла вазу. Перевернула. Ни трещины, ни скола. Она осмотрела донышко, нет ли там клейма, и, конечно, оно было: какие-то иероглифы, ровные и старые. Если это то, что она думала, вазу стоило бы держать за стеклом, а не на консоли в коридоре, где ходят художники с коробками.

— Прости, пожалуйста, — сказала она вазе по-французски и поставила её на место, повернув так, чтобы со стороны не было видно, что её трогали.

Нога распухала быстро. К полуночи Сена поняла, что не уснёт.

Дом ночью был другим.

Она медленно спускалась босиком, придерживаясь за перила, и каждый шаг отзывался в ступне горячей иглой. На первом этаже горел только нижний свет: тусклые золотые полосы вдоль плинтусов, подсветка ступеней, мягкое свечение воды в бассейне за стеклом. Люстра над гостиной висела в темноте неподвижно, серебряные нити тихо поблёскивали, как застывший дождь.

Она шла через гостиную, через столовую, мимо длинного чёрного стола, к двери кухни. На ней был серый свитер, мягкий, растянутый, надетый как ночная рубашка, и ничего больше, кроме белья. В пустом доме, в два часа ночи, это казалось вполне достаточным.

Кухня была огромной и тёмной. Сена не стала зажигать свет, чтобы не будить никого. Открыла холодильник, и он осветил её сзади холодным голубым светом. Полки блестели чистотой. Контейнеры с подписями на хинди. Банки с чем-то золотым. И на нижней полке, в ряду, как солдатики, стояли красные банки колы.

— Спасибо, Господи, — прошептала она.

Одну банку она открыла и сделала большой глоток, закрыв глаза. Вторую приложила к опухшей ноге, подняв её на колено, как цапля. Холод ударил по коже, и ей стало так хорошо, что она почти застонала.

— Что здесь происходит?

Сена закричала. Достаточно громко. Банка выскользнула из руки и покатилась по каменному полу с жестяным грохотом. В дверном проёме кухни стоял тёмный силуэт, высокий, плечистый.

— Вы меня до смерти напугали! — выкрикнула она, прижимая ладонь к груди. — Что вы делаете в темноте? Почему вы ходите по дому как привидение?

Силуэт поднял руку и включил нижний свет над рабочей столешницей.

Это был Раджмир.

Он стоял в проёме в чёрных спортивных штанах и серой майке, мокрой на груди и по краям воротника. Волосы, которые она до сих пор видела только зачёсанными назад, прилипли ко лбу. На руках, голых до плеч, ещё не сошли пятна напряжения: вены, мышцы, следы тяжёлой тренировки. Он дышал ровно, но с лёгким усилием. Дом, в котором стоял спортзал на нижнем уровне, был для него обычным местом в такой час.

— Я не хотел вас пугать, — сказал он. Голос был спокойнее, чем она ожидала. — Я услышал шорох на первом этаже. Решил проверить.

— Вы могли бы пошуметь или хотя бы покашлять, — выдохнула Сена, всё ещё держась за сердце.

— Учту. Что с вашей ногой?

В его взгляде что-то дрогнуло, как тень улыбки, и тут же исчезло. Он перевёл глаза на банку, лежавшую под столом, потом на неё, на то, как она стоит, поджав левую ногу.

— Ничего. — Она тут же опустила ногу на пол, поморщилась и поспешно выпрямилась. — На неё упала ваза. Но вы не волнуйтесь, ваза цела. Совсем. Я проверила. Я не знаю, сколько она стоит, но, если что, я готова...

— Вы не наступаете на ногу — перебил он. — Я вижу, что вы что-то с ней сделали.

— Это просто ушиб.

— Это может быть что-то серьезное. — Он достал из кармана телефон. — Я вызову врача. Через двадцать минут он будет здесь. И вам нужно сделать снимок.

— Нет-нет, что вы. — Сена замахала руками, чуть не уронив вторую банку. — Не надо никого вызывать, ночью, из-за меня, это глупо. Всё в порядке, правда. Мне ничего не нужно. Я просто пойду.

— В свою комнату, — поправилась она.

Раджмир не улыбнулся. Но что-то в его лице едва заметно смягчилось, и он медленно убрал телефон обратно в карман.

— Хорошо, — сказал он. — Врача не будет. Но я посмотрю сам, прежде чем вы поднимете по лестнице. Пойдёмте в гостиную.

— Не стоит, это просто...

— Сена.

Теперь он назвал её просто по имени, без «мадемуазель» и без нажима.

— Пойдёмте.

Банку, которой она остужала ногу, Сена так и не выпустила из руки и сделала шаг. Левая нога подвела её сразу, и Сена невольно качнулась, прикусив губу. Раджмир оказался рядом раньше, чем она успела за что-нибудь схватиться. Его ладонь обхватила её локоть, тёплая, твёрдая, и придержала ровно настолько, чтобы она не упала, и не сильнее.

— Опирайтесь на меня, — сказал он.

— Я могу идти сама.

— Знаю. Но так быстрее.

Они прошли через столовую медленно, в её темпе. Он не торопил и не смотрел под ноги, только держал локоть, чуть подстраивая шаг под её хромоту. Сена чувствовала тепло его ладони, каждый палец отдельно, и старалась смотреть прямо перед собой, на тёмную стеклянную стену и неподвижную воду за ней. Ей казалось, что в тишине слышно её сердце.

В гостиной он включил только один торшер, низкий, с золотым абажуром, и свет лёг на кремовый диван мягким кругом. Сена села на край, поджав ноги и натянув подол свитера на колени. Свитер, как назло, был коротким. Каждый раз, когда она двигалась, он полз вверх, и ей приходилось незаметно оттягивать его вниз.

Раджмир вернулся через минуту с белой коробкой, на крышке которой был красный крест. Поставил её на низкий столик, опустился на одно колено у дивана и без слов взял её ногу в ладони.

Сена перестала дышать.

Руки у него были большие, тёплые после тренировки, и касались её так осторожно, будто нога была сделана из стекла. Он повернул ступню к свету, пальцем коснулся припухлости, чуть надавил, внимательно следя за её лицом.

— Больно?

— Немного.

— Здесь?

— Да.

— Кость целая, — сказал он тихо, словно сам себе. — Отёк небольшой, но будет синяк. К утру станет тёмно-фиолетовым.

— Вы словно врач — с улыбкой сказала она.

— Нет. — Он достал из коробки тюбик с прозрачным гелем и отвинтил крышку. — Я просто видел много травм в своей жизни.

Сена хотела спросить, где именно он их видел. Но слова вдруг застряли.

Гель был ледяной. Он выдавил его на пальцы и нанёс на её ногу круговыми движениями, тонкими, внимательными, едва касаясь. Потом снова, чуть сильнее. Сена смотрела на его склонённую голову, на мокрые тёмные пряди, на серебро, затерявшееся в них, на линию шеи с блестящей каплей пота, которая медленно сползала под воротник майки. Она быстро отвела глаза, поймала край свитера, дёрнула вниз и поймала на себе его взгляд.

Он смотрел на неё. Не на ногу. На неё. Задумчиво, долго, как смотрят на сложную работу, которую хочется понять. Потом перевёл глаза обратно на её ступню и достал из коробки эластичную повязку, серую, с мягким краем.

— Вам правда не стоило так возиться, — сказала Сена. Голос вышел хриплее, чем она хотела. — Это не рана, это ушиб. Мне неудобно вас беспокоить. Вы только что с тренировки, вам, наверное, нужно...

— Мне нужно, чтобы вы завтра могли ходить. — Он собрал повязку в ладонях, надел на пальцы Сены и медленно потянул вверх, через подъём, мимо пятки, к щиколотке, ни разу не потянув слишком сильно. — Вы будете много стоять на ногах. Вам нужна эта нога.

Она замолчала.

Он расправил складку на подъёме большим пальцем, потом ещё раз, чтобы нигде не давило, и просунул палец под край у щиколотки, проверяя, не слишком ли туго.

— Не жмёт?

— Нет.

— Если будет пульсировать, снимите. — И только тогда он выпустил её ступню из ладоней, медленно, как будто нехотя отпускал.

— Пока не спадёт отёк, старайтесь меньше на неё наступать и держите выше, — сказал он, поднимаясь. Теперь он стоял над ней, высокий, широкий, с полотенцем на плече. — Я скажу Лакшми, чтобы завтра вам подали завтрак в комнату.

— Я сама дойду, — сказала Сена и попыталась встать.

— Нет.

Он не повысил голоса, но она осеклась на полуслове. Всё-таки поднялась, перенесла вес на здоровую ногу и подняла глаза: тринадцать ступеней, не больше, но сейчас они уходили вверх, как во сне. Пальцы сами нашли перила.

Раджмир не спросил, справится ли она. Просто встал рядом, на ступень ниже, и подставил локоть, как подставляют его в дверях, без жалости, будто это обычная любезность.

На третьей ступени она тихо выдохнула: нога отозвалась тупой болью. Он остановился раньше, чем она успела замедлить шаг, и не стал заглядывать ей в лицо. Только перехватил её руку чуть крепче и посмотрел вверх, на площадку, будто решал, как лучше идти дальше.

— Подождите, — сказала она, и сама удивилась, как тихо это вышло.

Он не двигался, пока боль не отпустила. Она вдруг поймала себя на том, что не хочет, чтобы он убирал руку.

От него пахло разгорячённым после тренировки телом, солью и чем-то тёмным, древесным, остатками парфюма. Этот запах не вязался с тем, как холодно и жёстко он говорил за

завтраком. Она потянула вниз край короткого свитера и разозлилась на себя за этот жест: он, кажется, вообще об этом не думал.

Они поднялись на площадку. Она на секунду подняла глаза и увидела его лицо совсем близко: чуть нахмуренные брови, капля пота у виска, тень усталости под глазами и ту самую серьёзность, которую так легко принять за холод. Он тут же отвёл взгляд.

У двери её комнаты он остановился, открыл её и дождался, пока Сена дойдёт до кровати и сядет. Подложил подушку под больную ногу и выпрямился, поправив полотенце на плече.

— Если ночью что-то понадобится, позвоните Лакшми.

— Спасибо, — сказала Сена. Слово прозвучало тише, чем ей хотелось.

Он кивнул, дошёл до двери и обернулся на пороге, словно хотел сказать ещё что-то. Но не сказал. Дверь закрылась почти беззвучно.

Глава 4. Бассейн

Прошло несколько дней. Кофемашина наконец-то приехала.

В дверь рабочей студии постучали двумя короткими ударами. Сена приоткрыла её ровно настолько, чтобы выйти самой, и встала в проёме. Пальцы в серебристой пыли и застывшей смоле, волосы убраны под повязку, на щеке полоса металлической крошки.

На пороге стояла Тара, всё ещё в школьной форме, с тонкой косой, перекинутой на плечо. В руках она держала маленькое блюдце, а на нём чашку, из которой шёл пар.

— Это от меня, — сказала она по-английски, тихо, почти неслышно. — Кофе, как вы любите.

Взгляд девочки на секунду скользнул мимо Сены, к тёмной щели между шторами, и тут же вернулся обратно, виновато, словно её поймали. Сена, не говоря ни слова, чуть шире прикрыла за собой дверь.

Она взяла блюдце. Чашка была горячая, пахло свежемолотым зерном, и впервые за почти неделю в этом огромном стеклянном доме что-то показалось ей совсем родным. Сена посмотрела на пятнадцатилетнюю девочку, на её опущенные ресницы и пальцы, сжимающие край юбки, и почувствовала что-то странное, тёплое, неожиданное, как будто к ней пришёл кто-то очень знакомый.

— Спасибо, Тара, — сказала она. — Пока сюда нельзя. Но когда фреска будет готова, ты увидишь её первой. Обещаю.

Девочка покраснела и кивнула.

Весь вечер Сена раскладывала по полу первые пластины стекла по цвету и толщине, от дымчато-серых до почти прозрачных, и теперь они лежали рядами, как карты перед игрой. Свет в комнате был выключен, горела только переносная лампа, и осколки отбрасывали на бетонные стены дрожащие радужные пятна. Руки пахли смолой, в волосах застряла металлическая пыль, а в висках шумело от усталости.

Она в последний раз обошла комнату, накрыла пластины плёнкой, плотно задёрнула шафрановые шторы и заперла дверь на ключ. Потом поднялась к себе, взяла бутылку любимого вина и единственный бокал, спустилась через тёмную гостиную и вышла босиком на террасу.

Нога почти не болела: повязку она сняла, и тёмный синяк на подъёме стопы потихоньку желтел. Каменные ступени вели вниз, к бассейну, и она спустилась по ним и устроилась на низком шезлонге у самого края воды.

Бассейн ночью был совсем другим, чем днём. Подсветка в бортах превращала воду в расплавленное стекло, с зеленоватым, почти неживым свечением, которое колебалось на белых стенах дома, как дыхание. Над головой висела густая тёплая ночь, пахло жасмином и нагретым камнем. За краем бассейна, где вода переливалась в невидимый желоб и как будто падала в пустоту, в дымке дрожали огни города.

Она налила вино, сделала глоток и закрыла глаза. На ней была просторная белая рубашка. Она достала сигареты и щёлкнула зажигалкой. Огонёк на секунду осветил её лицо, и дым потянулся вверх тонкой серебристой лентой.

Где-то на третьем этаже распахнули двери балкона. Она узнала этот звук. Он возвращался всегда в одно и то же время, поздно, не нарушая тишины.

Сена не обернулась. Просто сделала ещё один глоток и затянулась.

Но тело её знало. Что-то изменилось в воздухе, как перед дождём: она почувствовала взгляд раньше, чем увидела того, кто смотрит. Боковым зрением поймала тёмную фигуру на балконе. Высокий силуэт в расстёгнутом пиджаке, с руками, упёртыми в перила.

Сена медленно повернула голову. Усталый, без галстука, с тенью на скулах, Раджмир смотрел вниз, прямо на неё. Не отводил глаз, не делал вид, что просто вышел подышать.

Тогда она слегка кивнула ему, как соседу по террасе. Он помедлил секунду. Затем так же коротко и серьёзно кивнул в ответ.

Они смотрели друг на друга через тёмный воздух и светящуюся воду, и Сене показалось, что расстояние между ними вдруг сократилось до нескольких шагов. Потом он выпрямился, развернулся и ушёл в комнату. Сена допила бокал до дна. Она ещё не знала, что утром её ждёт неприятный разговор.

Глава 5. Утренний разговор

Утро началось раньше, чем Сена привыкла. Обычно она работала до глубокой ночи и спускалась вниз, когда дом давно жил своей жизнью. Но сегодня ей не спалось.

Она натянула светлый комбинезон, убрала волосы под повязку и пошла вниз, не думая ни о чём, кроме кофе. Дорога на кухню лежала мимо столовой. Она прошла бы мимо, но её окликнули.

— Сена!

Она обернулась. За длинным чёрным столом сидела вся семья: бабушка, Ананья, Сунита, Арджун с отцом, Тара с рюкзаком у ножки стула. И Раджмир во главе стола, в белоснежной рубашке. Часы над дверью показывали без пяти восемь.

— Какое счастье, ты проснулась! — Ананья всплеснула руками. — Иди к нам, мы только начинаем.

— Спасибо. Я только за кофе и сразу к себе.

— Ты никогда не завтракаешь с нами, — мягко сказала бабушка. Камла Деви смотрела на неё внимательно, чуть склонив голову набок. — И не обедаешь. Лакшми говорит, что ты практически не ешь.

Сена слегка растерялась. Она не думала, что кто-то обращает на это внимание.

— Я ем, — сказала она. — Просто в другое время.

— Ты такая худенькая, — тихо добавила Ананья. — Мы волнуемся.

— Это обманчивое впечатление. Я крепче, чем кажусь.

— В этом я не сомневаюсь, — произнёс Раджмир.

Сена взглянула на него.

— Но полагаю, даже самым стойким людям время от времени необходимо вспоминать о еде. — Он спокойно отложил приборы. — И мне бы не хотелось, чтобы в нашем доме вы забывали о таких простых вещах.

В его голосе не было упрёка. Он говорил с привычной сдержанностью, словно речь шла о чём-то совершенно очевидном, не допускающем возражений.

Сена уже приготовилась ответить, но передумала. Камла Деви и Ананья смотрели на неё с такой искренней заботой, что спорить показалось невежливым. Раджмир же оставался невозмутимым, и она так и не поняла, было ли его замечание продиктовано беспокойством или обычной привычкой следить за порядком во всём, что происходило под его крышей.

— Хорошо, — сказала она. — Налью кофе и подойду.

Она ушла на кухню, нажала кнопку на большой чёрной кофемашине и, пока та гудела, стояла, глядя в окно на сад. Она не любила, когда за неё решали. Но ещё меньше любила выглядеть в чужих глазах человеком, о котором надо беспокоиться.

Когда она вернулась с чашкой, перед ней уже стояла тарелка: омлет, тёплая лепёшка, кусочек манго.

Завтрак шёл неспешно, как всегда. Звякали приборы, Лакшми ставила на стол фрукты, Арджун тихо рассказывал отцу о каком-то договоре. Сена пила кофе и осторожно оглядывала сидящих. Взгляд зацепился за Тару.

Девочка сидела, опустив глаза, но губы у неё были не просто бледными: на них лежал едва заметный розовый оттенок, будто лепесток. Тара тут же почувствовала взгляд, вспыхнула до корней волос и спрятала глаза ещё ниже.

Сена улыбнулась ей одними глазами. Это было почти незаметно.

А потом Сена почувствовала ещё один взгляд, тяжёлый и внимательный. Раджмир смотрел на Тару, потом на Сену, и по его лицу что-то прошло, как тень от облака.

Когда завтрак закончился и все стали вставать, он тоже поднялся.

— Сена. — Он назвал её по имени, ровно, без нажима. — Я бы хотел поговорить с вами наедине. В моём кабинете, если у вас найдётся время.

Она отложила салфетку.

— Конечно.

Внутри что-то неприятно сжалось. «Поговорить наедине» в устах такого человека не предвещало ничего хорошего. Но тут же она вспомнила его ладони на её ноге, остановку на ступеньке, чтобы она отдышалась. «Может быть, он вовсе не такой жёсткий, каким хочет казаться», — подумала она. И поймала себя на том, что совершенно не знает, чего ждать.

Кабинет находился на третьем этаже, в конце длинного коридора с матовым стеклом вместо стен. Раджмир открыл дверь и пропустил её вперёд.

Сена остановилась на пороге. Комната была такой же, как весь дом: ни одной лишней вещи, ни одной случайной линии. Огромное окно от пола до потолка открывало сад и дальние крыши города, и утренний свет заливал светлый пол, лёгкими пятнами ложился на белые стены. Широкий письменный стол из тёмного дерева почти пустовал: ноутбук, стопка бумаг, тонкая лампа с латунным плафоном. Вдоль левой стены тянулись книжные полки до самого потолка. Сена заметила английские названия, хинди, учебники по архитектуре и дизайну. В углу стоял глубокий кожаный диван.

— Присаживайтесь, — сказал он и сам остался стоять у окна, заложив руки за спину.

— Я постою, спасибо.

— Я не буду ходить вокруг, — сказал Раджмир, не оборачиваясь. — Речь о Таре.

— О Таре?

— Сегодня за завтраком я заметил, что она накрасила губы.

— Это почти незаметно.

— Мне заметно. — Он повернулся. Лицо было спокойным, голос ровным, но в этом спокойствии чувствовалась сталь. — Тара пятнадцать лет была тихой, скромной девочкой. И я хочу, чтобы она осталась такой. Я учился в Америке и знаю, что в других странах всё иначе. Но здесь, в Индии, девушка до замужества живёт в определённых рамках, и мы оба прекрасно их понимаем. Это не вопрос запретов. Это вопрос уважения.

— Я не просила Тару красить губы.

— Вы показали. — Он подошёл ближе. — Красная помада, сигареты и вино у бассейна, короткие шорты. Вы свободный человек, взрослая женщина, у вас своя жизнь, и в Париже это нормально. Но Тара видит вас каждый день. Она подросток. Она смотрит на вас так, как смотрят на того, кем хотят стать. Я прошу вас одеваться скромнее и не позволять себе этого на глазах у неё.

Сена не опустила взгляда.

— Но, господин Капур, поводов для беспокойства нет. Тара уже не ребёнок. В пятнадцать девочке как раз пора учиться чувствовать себя красивой: попробовать помаду, понять, что она привлекательна. Это не порок, а часть взросления.

— У нас с вами, видимо, разные представления о привлекательности, — произнёс он спокойно. — То, что в Париже считается свободой и очарованием, здесь может произвести совсем иное впечатление. Боюсь, наши мужчины ценят в женщинах несколько другие качества.

В комнате стало очень тихо.

Сена почувствовала, как что-то неприятно кольнуло под рёбрами. Он не сказал ничего откровенно оскорбительного, но смысл был слишком ясен, чтобы его не заметить. Особенно неприятным оказалось то, с какой невозмутимой учтивостью он это произнёс.

Она выдержала его взгляд.

— К счастью, господин Капур, я приехала сюда работать, а не искать мужского одобрения, — ответила она с лёгкой улыбкой. — И мне бы хотелось, чтобы Тара однажды тоже поняла, что её ценность не определяется чужими представлениями о женской привлекательности.

Он чуть приподнял бровь. Кажется, её ответ задел его больше, чем он хотел показать.

— Мне кажется, неправильно пытаться подогнать человека под собственные представления о том, каким он должен быть, — продолжила Сена. — Мы все разные. И если Тара меняется, разве это плохо? Она становится увереннее, учится отстаивать своё мнение. Однажды ей придётся строить собственную жизнь, и я бы хотела, чтобы в этой жизни у неё был свой голос. Чтобы ей не пришлось во всём подчиняться какому-нибудь деспотичному мужу.

Последние слова прозвучали резче, чем она намеревалась.

Раджмир не шелохнулся. Несколько долгих мгновений он смотрел на неё, и Сена невольно попыталась угадать, что скрывается за его неподвижным взглядом. Но не нашла в нём ни гнева, ни обиды. Лишь что-то тяжёлое, сосредоточенное, словно её слова задели мысль, которой он не собирался делиться.

— Я не муж Таре, Сена, — сказал он тихо. — Я тот, кто за неё отвечает.

Она промолчала.

— Вы очень уверены в своих мыслях, — произнёс он наконец.

— Я лишь говорю то, что думаю.

— Да, это я уже заметил.

Он отвернулся к окну. Дневной свет скользнул по его лицу, обозначив строгую линию профиля и серебристые нити в бороде.

— Боюсь, в этом вопросе нам с вами не найти согласия.

— Похоже, что так.

— Тогда позвольте попросить вас лишь об одном. Будьте с ней осторожнее. Тара доверчива и легко идёт за теми, кого любит. Я не хочу, чтобы однажды она посмотрела на чужую жизнь и возненавидела собственную лишь потому, что та оказалась другой.

Он добавил уже мягче:

— Вечером, пожалуйста, курите у бассейна. А днём где-нибудь в стороне, подальше от чужих глаз.

Сена шагнула к двери. Ей хотелось возразить, сказать, что невозможно всю жизнь ограждать человека от мира. Но, взглянув на Раджмира, она вдруг поняла: он и сам всё это знает.

— Я услышала вас, — тихо сказала она.

Это не было согласием. Но и продолжать спор ей больше не хотелось.

Раджмир коротко кивнул, принимая её ответ таким, каким он был.

Сена вышла в коридор. Утренний свет, проходя сквозь матовые стёкла, ложился на стены мягкими размытыми пятнами. Лишь прикрыв за собой дверь, она позволила себе выдохнуть.

«Боюсь, наши мужчины ценят в женщинах несколько другие качества», — она мысленно повторила эти слова, и губы невольно сжались. В них было столько снисходительности, столько привычной уверенности в праве судить о женщине по собственным меркам, что ей следовало бы разозлиться. И она злилась. Но к раздражению примешивалось что-то ещё, смутное, тревожащее, чему она пока не хотела искать названия.

О разнице между индийскими и европейскими представлениями о семье она была в курсе. Но одно дело знать о традициях из чужих рассказов и книг, и совсем другое столкнуться с ними лицом к лицу. В мире семьи Капур девушка до замужества оставалась под опекой родных, и её поступки редко считались только её личным делом: репутация дочери была неотделима от репутации семьи, а брак воспринимался как союз двух семей, где любовь приветствовалась, но не всегда стояла на первом месте. Во Франции же всё было иначе: там любовь не искала места внутри семейных правил, а имела право эти правила нарушить. Разница заключалась не в обычаях, а в самом понимании свободы: в Индии девушка как будто принадлежала

сначала семье и только потом самой себе. Сама Сена ни разу не вступала в брак и не жалела об этом.

Она решительно направилась к лестнице.

В рабочей комнате, за тяжёлыми шафрановыми шторами, её ждала стена. С ней, по крайней мере, можно было договориться.

Глава 6. Круассаны

К девяти вечера кухня пахла маслом, горячей мукой и чем-то сладким, чего в этом доме не готовили никогда.

Сена стояла у длинного рабочего стола в сари цвета морской волны с тонкой золотой вышивкой. Полчаса назад Ананья с Сунитой одели её в этот шёлк прямо в гостиной, пока бабушка командовала из кресла, а Тара подавала булавки. Дупатта, невесомая, как дымка, всё время сползала с плеча, и каждые две минуты её приходилось возвращать на место рукой, на которой лежала мука.

— Если я правильно поняла, этот шарф существует для того, чтобы падать в самый неподходящий момент, — сказала Сена, в третий раз подхватывая край ткани. — Как в этом можно готовить?

— Лакшми готовит, — тихо ответила Тара.

— Лакшми, судя по всему, владеет магией.

У плиты Лакшми не обернулась, но уголок её рта дрогнул. Тара подошла, перекинула дупатту Сены крест-накрест через оба плеча и аккуратно заправила концы за спину.

— Теперь не упадёт.

— Ты спасла мне жизнь. И, возможно, ужин.

Тара посмотрела на тесто, разложенное на столе, потом на Сену.

— А вы точно умеете это делать?

— Нет, — честно сказала Сена. — Я умею ровно одну вещь, и то плохо. Но делаю её с таким видом, что никто не замечает.

Тара моргнула. Потом уголки её губ дрогнули, и она впервые улыбнулась прямо.

— Вот. Первая настоящая улыбка с моего приезда. Я считаю.

Тара залилась краской, но взгляда не отвела.

Готовила Сена плохо и сама это прекрасно знала. Но существовало ровно одно блюдо, которому её научила бабушка в маленькой нормандской деревне, и именно его она решила показать этому дому. Тесто она замесила накануне ночью, а утром, пока дом ещё спал, сложила и убрала в холодильник, как положено. Лакшми уступила ей половину стола без единого вопроса, хотя на её лице стояло выражение человека, в чей храм вошёл посторонний.

— Это называется круассан, — торжественно объявила Сена. — Это не еда. Это образ жизни. В Париже его едят по утрам, макая в кофе с молоком, и никто не считает это странным. Если вы так не делали, вы ещё не жили.

— Что здесь происходит? — раздался голос от двери.

Они обернулись. В дверях стоял подросток лет пятнадцати, худой, смуглый, с аккуратно причёсанными тёмными волосами, из которых только одна непослушная прядь у виска выбилась и торчала вверх. Лицо у него было серьёзное, не по возрасту взрослое, с тёмными внимательными глазами и той сосредоточенностью, какая бывает у людей, привыкших вовремя замечать, что нужно другим.

Он явно успел переодеться после школы: на нём была простая светлая хлопковая рубашка с коротким рукавом, выглаженная до последней складки, и тёмные брюки, которые сидели ровно. Поверх он надел чистый белый поварской фартук.

— Рохан, — сказала Лакшми, снова поворачиваясь к плите. — Мой сын. Он помогает на кухне.

Он смотрел на разгромленный стол с такой серьёзностью, будто сдавал экзамен.

— Могу я вам помочь? — спросил он по-английски, очень правильно и очень тихо. И тут же посмотрел на Тару, и по тому, как быстро он отвёл глаза, Сена всё поняла.

Тара вдруг сильнее прижала к бокам локти, стала выше ростом и, кажется, перестала дышать.

— Можешь, — сказала Сена, пряча улыбку. — Ты умеешь обращаться с тестом?

— Немного, — ответил он, хотя Лакшми у плиты негромко хмыкнула.

— Тогда вставай рядом. Нам как раз нужен человек, который не боится муки.

Тара и Рохан были ровесниками, но жили в разных мирах. Тара училась в частной школе, где ей преподавали на английском, её привозил и забирал личный водитель. Рохан ходил в обычную государственную школу в двух кварталах от дома, пешком, и учился там вместе с шестьюдесятью другими детьми в одном классе.

Семья Рохана жила в небольшом, но аккуратном доме в глубине сада и ни в чём не нуждалась, но это был другой дом, другой круг и другая дорога в будущее.

— Подходите оба, — скомандовала Сена. — Сейчас будем превращать это в треугольники.

Следующие полчаса прошли в хаосе. Тесто липло к пальцам, масло выскальзывало, а Рохан лепил ровно, как по линейке. У Тары получалось что-то загадочное и круглое, больше похожее на подушку.

— У тебя руки повара, — заметила Сена, глядя на его идеальный ряд.

— Я с шести лет на кухне, — просто сказал он. — Мама говорит, что я лучше режу лук, чем она.

— Это правда, — не оборачиваясь, подтвердила Лакшми.

— У тебя круассан похож на облако, — сказал Рохан Таре. И она, вместо того чтобы смутиться, неожиданно рассмеялась.

— Это не круассан, — вынесла вердикт Сена, глядя на творение Тары.

— А что?

— Это произведение искусства.

Тара опустила взгляд на бесформенный комок теста перед собой, и уголки её губ предательски дрогнули. Она попыталась сдержать улыбку, прикусив губу, но тщетно. Плечи её едва заметно затряслись, и она тихонько рассмеялась, поспешно прикрыв рот тыльной стороной перепачканной мукой ладони. Смех получился почти беззвучным, похожим на короткий, прерывистый выдох.

Рохан, не отрывая взгляда от своей работы, улыбнулся и чуть покачал головой, старательно изображая полную сосредоточенность. Лакшми тоже улыбалась.

— Могу я узнать, чем вы заняты?

Голос прозвучал негромко, но на кухне сразу стало тихо.

Рохан вытянулся, словно его вызвали к доске. Лакшми обернулась, и на её лице впервые мелькнуло что-то похожее на растерянность.

В дверях кухни стоял Раджмир. В тёмном пиджаке, с ослабленным галстуком и тонкой кожаной папкой под мышкой. Было только начало десятого, а он обычно возвращался после одиннадцати.

Сена посмотрела на него через стол, и у неё вдруг не нашлось ничего, кроме правды.

— Мы готовим круассаны. Вернее, пытаемся.

Раджмир перевёл взгляд на стол. На разложенные треугольники, на мучной хаос, на дупатту, сбившуюся на один бок и обсыпанную мукой, и на жалкий кривой комок перед Тарой. Он молчал дольше, чем нужно, и Сена приготовилась к чему угодно.

— Этот, — он кивнул на творение Тары, — выглядит так, будто оказывал сопротивление.

Тара застыла. А потом Сена увидела это.

Уголок его рта дрогнул. Потом ещё. Лицо, которое все эти недели казалось высеченным из камня, вдруг смягчилось, и у глаз появились тонкие лучики морщин. Он улыбнулся. Не

вежливо и не по необходимости, а по-настоящему, широко и немного устало. Сена даже забыла, что держит в руках скалку.

— Оказывал, — подтвердил Рохан и тут же испуганно прикусил язык.

— Ужин у нас уже был, насколько мне известно, — сказал Раджмир, глядя на Сену.

— А мы решили добавить немного французского утра в этот вечер. — Она улыбнулась. — Вы можете остаться и попробовать, — добавила она неожиданно для самой себя. — Через двадцать минут будет готово.

Он помедлил, посмотрел на Тару, на Рохана, на Лакшми, которая уже вернулась к плите и делала вид, что ничего не слышала, и наконец кивнул.

— Я буду в гостиной.

Он вышел, и Сена ещё несколько секунд стояла, глядя на пустой дверной проём. Он умеет улыбаться. Оказывается.

В гостиной было тепло и шумно. Бабушка устроилась в углу дивана с пледом на коленях, рядом Ананья полулежала на подушках, положив руку на живот, а Сунита с Арджуном сидели ближе к экрану. Говинд читал в кресле. На большом экране шёл какой-то старый фильм, красочный, с песнями и танцами, и кто-то из них времяот времени тихо подпевал.

На низком столике и на спинке дивана лежали сари. Изумрудные, цвета граната, густо-синие, абрикосовые, с золотыми каймами. Те самые, которые днём примеряла Сена, пока Сунита не решила, что для кухни ей больше подойдёт бирюзовый.

— Раджмир! — Ананья приподнялась, и лицо её просияло. — Ты сегодня рано!

— Решил вернуться пораньше. — Он нежно обнял сестру и бабушку и неспешно коснулся живота Ананьи.

— Мы развлекаемся, — сказала бабушка. — Как видишь.

— А это? — Он кивнул на разложенные шелка.

— Это Сена, — ответила Сунита, и в её тихом голосе слышался смех. — Мы её нарядили. Знаешь, ей удивительно идёт. Она такая яркая, что любая ткань рядом с ней оживает.

— В сари она совсем как наша, — добавила Ананья. — Правда, Даади?

— Она и есть наша, — спокойно сказала бабушка, не отрываясь от экрана. — Просто пока не знает.

Раджмир стоял, глядя на эти сари, на улыбающихся родных, на экран, где кружились танцоры. И вдруг почувствовал то, чего не мог определить сразу. Дом изменился. Он был таким же, но воздух в нём стал другим. Как будто кто-то открыл все окна сразу, и в комнаты вошло что-то тёплое, живое, наполненное. Раньше здесь было тихо и правильно. Теперь стало радостно.

Он подумал о француженке с красной помадой, которая курила у бассейна и спорила с ним в его кабинете. Дерзкая, независимая, не привыкшая уступать. Он до сих пор считал, что такой человек вносит в дом беспокойство. Но сейчас, глядя на то, как легко и тепло семья держится рядом с ней, он подумал, что, может быть, ошибался. В доме стало больше голосов и больше смеха. Все привязались к ней, сами того не заметив, и это было видно с первого взгляда.

— Идёт, — тихо сказал Арджун

В гостиную вошла Сена. Она несла большой поднос, на котором лежали золотистые, чуть кривоватые, но удивительно пахнущие круассаны. За ней шли Тара и Рохан, каждый с чашками, а замыкала шествие Лакшми с чайником. С дупаттой, сползшей на локоть, с мукой в волосах и счастьем на лице, Сена выглядела так, будто всю жизнь жила в этом доме.

Она поставила поднос на стол. Лакшми разлила чай с молоком.

Раджмир взял круассан. Тот хрустнул, ломаясь, и на пальцы посыпались золотые крошки. Он откусил, помолчал и поднял глаза.

— Это вкусно, — сказал он, и в голосе его прозвучало искреннее удивление.

— Я знаю, — ответила Сена, улыбаясь и чуть задрав подбородок.

Он смотрел на неё не так, как раньше. Долго, внимательно и как будто заново, и вдруг поймал себя на том, что не может отвести глаз. Эта мысль неприятно кольнула его: он слишком давно не позволял себе смотреть так на кого бы то ни было.

Сена поймала его взгляд. Всего на секунду, но этого хватило, чтобы увидеть и тень растерянности, и то, как он пытался её скрыть. Она не отвела глаз.

В гостиной продолжал звучать фильм, смеялись, звенела посуда, и всё это шло где-то рядом, не касаясь их. Как будто на несколько мгновений они остались вдвоём в этой шумной комнате, и между ними не было ни стола, ни чашек, ни расстояния.

Потом он опустил глаза к чашке. И мир вернулся.

Глава 7. Новые правила

Через несколько дней гостиная снова наполнилась вечерним шумом. Бабушка вышивала в углу дивана, Ананья сидела рядом, и Сена, устроившись в кресле напротив, вполголоса рассказывала ей о фреске.

Тара расположилась на ковре среди альбомов и карандашей. Она снова и снова что-то рисовала, стирала, начинала заново, пока наконец не отбросила карандаш с тяжёлым вздохом.

— Это невозможно, — объявила она.

Сена оборвала фразу на полуслове и обернулась.

— Что именно?

— Всё. Абсолютно всё. Особенно если учительница решила, что каждый ученик должен быть одновременно великим художником и прекрасным оратором.

Сена улыбнулась.

— Звучит как серьёзное испытание.

— У нас проект в школе. Нужно сделать работу на тему «Дом, в котором живут воспоминания». Можно рисовать, делать коллаж или что-нибудь объёмное. А потом выйти к доске и объяснить всему классу, почему ты выбрала именно эти образы.

— Интересная тема, — заметила Ананья

— Интересная, если умеешь рисовать. И если не начинаешь заикаться, когда на тебя смотрят двадцать человек.

Раджмир, сидевший в кресле у окна с ноутбуком, поднял голову.

— Тара, ты уже выступала перед классом.

— И прекрасно помню, как это было, — мрачно ответила она. — Я забыла половину текста.

— Потому что плохо подготовилась.

Тара вздохнула.

— Спасибо, мне сразу стало легче.

Сена, наблюдавшая за ними, осторожно вмешалась:

— Если хочешь, я могу немного помочь.

Тара мгновенно повернулась к ней.

— Правда?

— Конечно. Мы можем вместе подумать над идеей. Я покажу несколько художественных приёмов, расскажу, как работать с цветом и композицией. А саму работу ты сделаешь так, как нравится тебе.

— А можно соединить рисунок и настоящие фотографии?

— Не только можно. Иногда именно так получаются самые интересные работы.

Тара оживилась настолько, что уже потянулась за альбомом, но голос Раджмира её остановил.

— Я считаю, что школьные задания дети должны выполнять самостоятельно.

В комнате на мгновение стало тише.

— Она и будет выполнять самостоятельно, — спокойно ответила Сена.

— Тогда зачем ей помощь?

— Чтобы разобраться в том, чего она пока не умеет.

— Для этого существуют учителя.

Тара опустила глаза на свои рисунки, и Сена заметила, как быстро угасло её воодушевление.

— Что ж, — произнесла она, не меняя тона, — моё предложение остаётся в силе.

Раджмир снова склонился над ноутбуком, давая понять, что разговор окончен. Но Сена успела заметить, как Ананья бросила на брата долгий, выразительный взгляд.

Позже, когда вечерняя жара немного спала, она вышла к бассейну.

Вода отражала свет садовых фонарей, и по её поверхности медленно скользили золотистые полосы. Сена сидела на краю шезлонга, поджав под себя ноги, и перебирала на телефоне фотографии. Шаги она услышала раньше, чем он заговорил.

— Нам нужно кое-что прояснить.

Она подняла голову.

— Я не хочу, чтобы вы делали школьную работу за Тару.

Сена медленно отложила телефон.

— А я не собираюсь делать за неё школьную работу.

— Вы предложили ей помощь.

— Именно.

— Она должна учиться справляться с трудностями самостоятельно.

Сена некоторое время молча смотрела на него.

— Господин Капур, вы хоть раз спрашивали Тару, чего именно она боится?

— Она боится выступать. Это нормально.

— Для вас, возможно, нормально. Для неё это целая катастрофа.

Он нахмурился.

— Вы преувеличиваете.

— Нет. Я просто слушаю, что она говорит.

Раджмир скрестил руки на груди.

— И что вы предлагаете? Чтобы каждый раз, когда ей будет трудно, кто-нибудь делал всё за неё?

— Я предлагаю перестать спорить с помощью, которую ей ещё даже не оказали.

Он посмотрел на неё с явным неудовольствием. Сена продолжила уже мягче:

— Знаете, что меня удивляет? Вы руководите огромным бизнесом, проводите переговоры, выступаете перед десятками, а иногда и сотнями людей. Вам достаточно войти в комнату, чтобы все замолчали и начали слушать. Вы умеете убеждать, держать внимание, отвечать на самые неудобные вопросы.

— И?

— А девочка, которая живёт с вами под одной крышей, до ужаса боится выступить перед двадцатью одноклассниками.

Раджмир молчал.

— Вместо того чтобы объяснять мне, почему я не должна ей помогать, вы могли бы научить её тому, что сами умеете лучше многих.

— Это разные вещи.

— Разумеется.

Он бросил на неё недовольный взгляд. Сена едва заметно улыбнулась.

— Я не собираюсь рисовать за Тару. Я хочу, чтобы она перестала думать, будто у неё ничего не получится. А вы могли бы помочь ей поверить, что она справится с выступлением.

Он смотрел на неё довольно долго. Сена уже приготовилась к очередному возражению, но его не последовало.

— Спокойной ночи, — наконец произнёс он.

И ушёл. Сена проводила его взглядом.

На следующее утро привычный порядок дома нарушился ещё до завтрака.

Она услышала встревоженный голос в коридоре, затем быстрые шаги.

— Что случилось? – спросила она у служанки, проходящей по этажу.

— Госпоже Ананье стало плохо.

Сена поспешила вниз.

Ананья сидела на диване в малой гостиной, бледная, с закрытыми глазами. Рядом с ней были муж и бабушка, которая испуганно держала её за руку.

— Ананья, тебе точно лучше?

— Да, Даади. Просто немного закружилась голова.

Ананья попыталась улыбнуться, но улыбка вышла слабой.

Раджмир стоял рядом с диваном, прижимая телефон к уху.

— Врач уже едет, — коротко сказал он, закончил разговор и повернулся к сестре. — Почему ты не сказала, что плохо себя чувствуешь?

— Потому что до этого момента чувствовала себя прекрасно.

— Ты почти потеряла сознание.

Ананья открыла глаза.

— Если ты задашь мне ещё один вопрос, я действительно потеряю сознание. На этот раз исключительно от раздражения.

В другой ситуации все бы рассмеялись. Но Раджмир даже не улыбнулся. Он опустился перед сестрой на одно колено и осторожно взял её за запястье.

— У тебя ничего не болит?

— Нет.

— Точно?

— Раджмир. — Она накрыла его руку своей. — Посмотри на меня. Я в порядке.

Он кивнул, но Сена видела, что это его совершенно не убедило.

Врач приехал довольно быстро. Пока он осматривал Ананью, Раджмир не находил себе места. Он ходил от окна к двери, останавливался, смотрел на часы и снова начинал двигаться. Несколько раз собирался что-то спросить, но сдерживался, видя, что врач занят.

Сена наблюдала за ним из кресла у стены. Она привыкла видеть его другим: уверенным, собранным, почти раздражающе невозмутимым, человеком, который всегда знает, что делать, кому позвонить и какое решение принять. Сейчас перед ней был старший брат, который не мог заставить сестру чувствовать себя лучше одним распоряжением. И, кажется, именно это было для него самым невыносимым.

Когда врач закончил осмотр, Раджмир оказался рядом с ним раньше всех.

— Что с ней?

— На данный момент ничего тревожного я не вижу. Давление немного понижено. Во время беременности такие состояния возможны, особенно если женщина недостаточно ела, пила или долго находилась на ногах.

— Это опасно для ребёнка?

— Признаков непосредственной угрозы нет. Но поскольку был предобморочный эпизод, я советую сегодня пройти дополнительное обследование в клинике. Проверим анализы и состояние малыша, чтобы ничего не упустить.

— Мы едем сейчас.

— Раджмир, — начала Ананья.

— Сейчас, — повторил он.

Врач спокойно кивнул.

— Это разумно. Только без паники.

Ананья выразительно посмотрела на брата.

— Последнее замечание адресовано тебе.

К вечеру обследования завершились. Анализы и результаты проверки не выявили ничего, требующего госпитализации, и врач разрешил Ананье вернуться домой. Раджмир настоял, чтобы сестра несколько дней отдыхала.

Дом постепенно возвращался к привычной жизни.

Тара работала над проектом. Сена помогла ей разобраться с композицией и цветом, показала, как сочетать старые фотографии с рисунками. Девочка придумала изобразить дом как большое дерево, в ветвях которого вместо листьев раскрывались маленькие окна с семейными воспоминаниями. В одном была Ананья, читающая ей сказку. В другом семейный праздник. В третьем Раджмир, державший на плечах совсем маленькую Тару, когда она только переехала в этот дом.

— Я получила высший балл! — громко объявила она, ворвавшись в гостиную после школы в субботу.

Ананья поднялась с дивана.

— Тара!

— Учительница сказала, что моя работа очень необычная! А ещё все задавали вопросы, и я ответила на каждый!

— Даже не волновалась? — спросил отец.

— Волновалась! Очень!

— Молодец, — тихо сказал Арджун и поцеловал сестру в макушку.

— И я хочу, чтобы Сена сегодня обязательно поужинала с нами, — заявила Тара. — Потому что без неё ничего бы не получилось.

За ужином она снова рассказывала о своей победе, а потом повернулась к Сене.

— Спасибо вам. За то, что помогли придумать дерево. И объяснили, как сделать все окна разными.

— Дерево придумала ты, — напомнила Сена. — Я только помогла увидеть, как его можно нарисовать.

— Всё равно спасибо.

Раджмир сидел напротив и молча слушал.

Позже, когда ужин закончился и остальные начали расходиться, он задержал Тару.

— Можно тебя на минуту?

— Конечно.

Они остановились у окна гостиной.

— Я хотел тебе кое-что сказать.

— Что?

Он некоторое время подбирал слова.

— Когда ты рассказала о проекте, я был довольно резок с Сеной.

— Очень резок, — согласилась Тара.

Он посмотрел на неё.

— Я считал, что ей не стоит тебе помогать, и сказал об этом. Не самым приятным образом. Теперь я понимаю, что был неправ. Её помощь действительно оказалась полезной. И мне жаль, что я сам не помог тебе подготовится к публичному выступлению. Я очень горжусь, что ты справилась сама.

— Но Сена мне очень помогла и даже порепетировала со мной.

Раджмир вздохнул.

— Мне неловко. Я прошу прощения у тебя и думаю, мне стоит извиниться перед Сеной, хотя я не совсем представляю, как лучше это сделать.

Тара посмотрела на него с искренним изумлением.

— Дядя Раджмир , вы что, не знаете про систему извинений Сены?

Он нахмурился.

— Про какую ещё систему?

— Про систему хороших поступков!

— Это что-то школьное?

— Нет! Это Сена придумала.

Тара села на подлокотник кресла, приготовившись объяснять очевидные вещи человеку, который явно отстал от жизни.

— Смотри. Если ты кого-то обидел, нужно сначала извиниться. Но просто сказать «прости» иногда недостаточно. Нужно ещё сделать что-нибудь хорошее.

— Например?

— Например, если ты нагрубил человеку, можно сказать: «Прости, я был неправ», а потом приготовить ему чай.

— Чай?

— Да. Или принести что-нибудь вкусное. Или пригласить на прогулку. Или помочь с тем, что ему трудно.

Раджмир смотрел на неё с возрастающим недоумением.

— И это называется системой?

— Конечно. У неё есть правила.

— Сколько?

— Два. Сначала искренне извиняешься. Потом делаешь что-нибудь хорошее. Только нельзя делать вид, что хорошим поступком ты покупаешь прощение. Это просто чтобы человеку стало теплее.

Он задумался.

— И давно вы этим занимаетесь?

Тара рассмеялась.

— Да все уже этим занимаются!

— Кто все?

— Все в доме!

Она загнула палец.

— Вчера папа случайно наступил маме на ногу и сказал: «Прости, дорогая, я принесу тебе подушку».

Второй палец.

— Позавчера мама забыла, что обещала помочь найти фотографии, и потом принесла мне манговый сок.

Третий.

— А когда я случайно испачкала одежду Лакшми, я извинилась и помогла ей перебрать рис.

— И что, теперь каждый раз, когда кто-то извиняется, он должен выполнять какое-нибудь поручение?

— Нет! — возмутилась Тара. — Ты не понимаешь. Это не наказание. Это способ показать, что тебе не всё равно.

Раджмир замолчал..

— Сена говорит, что иногда после ссоры людям трудно снова начать разговаривать нормально. А маленький хороший поступок помогает. Вместо того чтобы стоять и чувствовать себя ужасно неловко, ты можешь сказать: «Давай я сделаю тебе чай». И вы уже вместе пьёте чай, и всё становится немного лучше.

Раджмир невольно улыбнулся.

— Очень продуманная система.

— Конечно. Сена умная.

— Я заметил.

Тара прищурилась.

— Так ты собираешься извиняться?

— Полагаю, да.

— Тогда тебе нужно придумать хороший поступок.

— Налить ей чай? Но она его не пьёт.

Тара задумалась.

— Ну... для начала можно пригласить её смотреть с нами фильм. Сегодня же суббота. И сказать, что чай всем будешь наливать сам, а ей сделаешь кофе.

— Для начала? — переспросил он, но Тара уже тянула его за рукав.

— Пойдём.

Из студии сквозь шторы пробивались полоски света. Раджмир остановился у двери и вдруг почувствовал, как неровно бьётся сердце и холодеют ладони. Он не понимал, откуда это волнение.

Тара постучала сама.

Сена вышла, держа в руке кисть с застывшей серебряной краской. На щеке у неё снова была полоска металлической пыли.

— Вы заняты? — спросил он.

— Работаю.

— Я хотел поговорить.

Сена подняла глаза.

— Я был неправ насчёт проекта Тары.

Она чуть приподняла брови.

— Я не должен был говорить с вами в таком тоне. Вы предложили помощь…

Он замолчал, и слова словно застряли у него в горле. Тара за его спиной деликатно изучала потолок.

— Простите, — наконец сказал он.

Сена смотрела на него чуть дольше обычного. Потом кивнула и улыбнулась. Но он не уходил.

— И ещё, — произнёс он после паузы. — Сегодня суббота, и мы собираемся посмотреть фильм. Я хотел спросить, не присоединитесь ли вы к нам.

— Пожалуйста, приходите! — не выдержала Тара. — Там очень красивые танцы!

— Чай подам лично я, — добавил Раджмир. — Всем. А для вас приготовлю кофе.

Сена посмотрела на них обоих: на сурового хозяина дома, который с видом человека, сдающего экзамен, предлагал ей кофе, и на Тару, глядевшую на неё с мольбой.

— Вы приготовите мне кофе? — переспросила она и рассмеялась. — Хорошо, сейчас вымою руки и приду.

Гостиную погрузили в мягкий полумрак. На большом экране мелькали яркие кадры. Ананья лежала на диване под пледом, бабушка устроилась рядом, Арджун с Сунитой заняли кресла, а Тара расположилась на ковре у ног Сены.

Раджмир обошёл комнату с подносом и каждому подал чашку. Бабушке придвинул чай поближе, Ананье бережно подоткнул плед. К Сене он подошёл последним и поставил перед ней маленькую белую чашку.

— Кофе, — сказал он.

Сена сделала осторожный глоток и удивлённо подняла брови. Кофе оказался именно таким, каким она пила его всегда: крепким и горьковатым, без сахара и молока.

— Я старался, — коротко ответил он и опустился в кресло рядом с её краем дивана.

Фильм оказался красочной историей с песнями и бесконечными признаниями в любви. Сена смотрела с интересом, особенно на главного героя: высокий, широкоплечий, с идеально вылепленными мышцами, которых не скрывала даже небрежно расстёгнутая рубашка.

Раджмир не смотрел на экран. Мерцающий свет скользил по её профилю, задерживался на ресницах, касался приподнятого подбородка. Она чуть склоняла голову к плечу и держала

чашку обеими ладонями, как держат что-то хрупкое и согревающее. Он смотрел внимательно, слишком внимательно, и с удивлением обнаружил, что не может заставить себя отвести взгляд.

— Какой красивый актёр, — негромко сказала Сена, не поворачиваясь. — И какой накачанный. Невозможно оторвать глаз.

Он помолчал.

— У него мышцы даже не дотягивают до моих.

Сена обернулась и посмотрела на него долгим, насмешливым взглядом. Потом тихо рассмеялась.

— Ну не знаю. Мне кажется, вполне дотягивают.

Раджмир улыбнулся. Бабушка, не отрывая глаз от экрана, едва заметно покачала головой, и в уголках её губ тоже спряталась улыбка.

Глава 8. Невеста

На следующий вечер, около девяти, в дверь студии негромко постучали.

Сена стояла на низкой стремянке, прижимая стеклянную пластину к бетонной стене, и сначала решила, что ей послышалось. Стук повторился.

Она осторожно спустилась, вытерла руки о рабочий комбинезон и приоткрыла дверь.

На пороге стоял Раджмир.

На нём был тёмно-графитовый костюм и безупречно завязанный галстук, и выглядел он так, словно только что вернулся с деловой встречи. Но привычной невозмутимости в его лице Сена не заметила. Он казался необычно серьёзным и даже немного напряжённым.

— Простите, что отвлекаю, — произнёс он. — Не могли бы вы ненадолго пройти в гостиную? Я хотел бы познакомить вас с одним человеком.

— Конечно. С кем?

Раджмир на мгновение задержал на ней взгляд.

— С моей невестой.

Сена застыла.

— С вашей… невестой?

— Да. Она вернулась сегодня вечером.

Он произнёс это совершенно спокойно, словно речь шла о чём-то давно известном.

Сена растерянно моргнула. За три с лишним недели, проведённые в этом доме, она ни разу не слышала о предстоящей свадьбе. Ни Ананья, ни бабушка, ни Лакшми даже вскользь не упоминали девушку, которая должна была стать хозяйкой дома. Не было ни фотографий, ни разговоров о приготовлениях, ни случайно произнесённого имени. Как будто этой девушки вовсе не существовало.

— Я не знала, что вы помолвлены, — наконец сказала она.

— Вы и не могли знать. — Он отвёл взгляд. — Киара была в отъезде вместе с родителями. Свадьба через два месяца.

Два месяца. Почему-то именно эта подробность прозвучала особенно отчётливо.

Сена повернулась к двери, чтобы запереть студию. Ключ никак не попадал в замочную скважину, и её вдруг рассердили собственные непослушные пальцы.

— Мне стоит переодеться? — спросила она, оглядывая свой комбинезон.

— Нет.

Раджмир посмотрел на неё чуть дольше, чем требовал вопрос.

— Будьте собой.

В гостиной горел яркий свет.

Это было первое, что заметила Сена. Обычно по вечерам здесь оставляли лишь несколько торшеров, и просторная комната наполнялась мягким золотистым полумраком. Сейчас под потолком горела большая люстра, и в её сверкающих нитях дрожали сотни бликов.

Среди членов семьи, непринуждённо откинувшись на подушки, сидела она, будто всегда принадлежала этой комнате.

Первое, что пришло Сене в голову: очень красивая. Лет двадцати пяти, высокая, с густыми чёрными волосами, длинной блестящей волной спадавшими до талии, и огромными тёмными глазами, подведёнными так умело, что взгляд казался глубже. Чёткие скулы, полные губы с коралловым блеском, кожа цвета тёмного мёда. Сари цвета шампанского с серебряной нитью она носила совсем не так, как женщины этого дома: открытая спина, лёгкий пояс на талии. В ушах поблёскивали бриллианты, на запястьях звенели тонкие золотые браслеты.

— Так вот вы какая! — воскликнула та, вскочив с дивана, и Сена вздрогнула от того, как громко это прозвучало.

Она говорила быстро, перебивала сама себя, смеялась собственным шуткам раньше, чем успевала их закончить, и жестикулировала так, что браслеты не замолкали ни на секунду. В ней было что-то от избалованного ребёнка, привыкшего, что мир подстраивается под её желания. Ни злости, ни коварства, только абсолютная уверенность, что она находится в центре любой комнаты.

— Раджмир, ты не говорил, что она такая красивая! — Девушка обернулась к нему, потом снова к Сене, всплеснув руками. — Вы живёте в одном доме, а до свадьбы только два месяца. Могут пойти слухи, ты не думаешь?

Их взгляды с Раджмиром встретились на долю секунды. Он ничего не сказал, но Сена увидела, как у него дрогнули скулы.

Она смотрела на невесту с осторожностью, сбитая с толку такой бестактностью.

— Сена Дюваль, — представилась она спокойно и села напротив, в кресло. — Я в этом доме работаю, как и другие, какие тут могут быть слухи? К тому же господин Капур совершенно точно не считает привлекательными европейских женщин. А жить в отеле я с самого начала планировала сама и могу уехать в любой момент, если это необходимо.

Раджмир обжёг её взглядом.

— Это исключено, — сказал он.

И добавил что-то на хинди, коротко и резко, хотя до этого в присутствии Сены все в доме говорили только по-английски. Она не поняла ни слова, но поняла тон: так не просят, так ставят точку.

Девушка сразу стала серьёзной и заговорила гораздо мягче.

— Да, извините. Я знаю, что вы известная художница. Меня зовут Киара. Киара Малхотра. Хотя через два месяца буду Капур, — добавила она и засмеялась, будто сказала что-то очень остроумное.

Английский у неё был не слишком хорош, и Сене приходилось вслушиваться.

— Очень приятно, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим.

— Мне тоже! Я ужасно рада, что вы здесь. Раджмир рассказал мне про фреску. Это так здорово, что в нашем доме работает настоящий художник!

«В нашем доме». Сена украдкой посмотрела на Ананью. Та глядела в свою чашку.

Раджмир остался стоять у дивана и в эту секунду почувствовал то, чему не хотел давать названия. Он ждал, что всё будет иначе. Ещё месяц назад приезд Киары показался бы ему чем-то естественным, но сейчас, глядя, как Сена сидит в рабочем комбинезоне, с серебристой пылью в волосах, а рядом сверкает и звенит его невеста, он вдруг ощутил странное, неприятное смущение. За время отсутствия Киары что-то в нём изменилось. Он только не понимал, что именно, и не хотел понимать.

— Я так люблю дизайн, — тем временем говорила Киара. — Честное слово, это моя страсть. Я столько читаю, смотрю. Раджмир, ты знаешь, я уже придумала, как всё тут изменить!

— Изменить? — переспросила Сена.

— Конечно! После свадьбы я перееду сюда, и мы наконец сделаем этот дом по-настоящему изящным. Он, конечно, красивый, но такой строгий, такой… — Она поискала слово, но не нашла. — Я добавлю цвета, золото, скульптуры.

Сена не ответила сразу. Она словно новым взглядом посмотрела на этот просторный дом.

— А зачем что-то менять? — тихо спросила она.

Киара замолчала на несколько секунд, а потом с неожиданным нажимом переспросила:

— Что?

— Дом прекрасен. В нём есть воздух и свет, и он такой… живой.

В комнате повисла тишина. Бабушка едва заметно приподняла голову, и Сена уловила в её глазах тёплый, одобрительный блеск. А Раджмир смотрел на Сену так, будто она вслух сказала то, что он сам давно хотел сказать и не мог.

Киара рассмеялась, но в смехе проскользнула нервная нотка.

—Ну скажете! — протянула она с улыбкой, в которой сквозила лёгкая снисходительность. — Мне всё-таки хочется добавить немного традиционных индийских красок.

Она на мгновение замолчала, словно собираясь с мыслями, но тут же оживилась:

— Возможно, я стану дизайнером. Хотя пока ещё не решила. Мне предлагают сниматься в кино, но я сомневаюсь. Не хочу второстепенные роли, к тому же я не знаю жён бизнесменов, которые снимались бы. Хотя Раджмир не против, но я не могу решиться. Возможно, если будет что-то масштабное.

Она произнесла всё это с обезоруживающей непосредственностью, словно перечисляла самые обыденные обстоятельства своей жизни, не замечая, как причудливо переплетаются её планы.

— Хотя сейчас столько дел с подготовкой к свадьбе, что времени уже не хватает, — добавила она, чуть понизив голос, словно делилась секретом.

И снова рассмеялась.

Тара опустила голову ещё ниже. Бабушка не шелохнулась. Раджмир едва заметно нахмурился, но промолчал.

— Наверное, ваша работа требует немало времени, Сена, — продолжила Киара с мягкой участливостью, за которой едва угадывалась снисходительность. — Должно быть, нелегко посвящать ей столько сил. А ваш муж не против, что вы работаете вот так, в другой стране?

— Я не замужем.

— Как? — Киара широко раскрыла глаза, и в её голосе прозвучало неподдельное изумление. — А почему?

В комнате повисла неловкая тишина. Кто-то осторожно поставил чашку на блюдце, но в наступившем молчании даже этот лёгкий звон прозвучал слишком громко.

Сена невольно подняла глаза и встретилась взглядом с Раджмиром. Он смотрел на неё, не отводя взгляда, и в его лице было что-то такое, что она не успела прочитать: не любопытство, скорее ожидание, почти тревога.

Сена чуть улыбнулась, ничем не выдавая своего отношения к столь бесцеремонному вопросу.

— Наверное, потому что я пока не встретила мужчину, с которым захотелось бы связать свою жизнь, — ответила она спокойно.

Она произнесла это мягко, без тен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.